

Диалог литератур: богатырь Сухан и пастух Гараджа*

Захир АСАДОВ,
доктор философии по филологическим наукам

Картина азербайджанского художника
Азера Азерелли «Деде Горгуд»

Древнерусская былинная «Повесть о Сухане» не раз привлекала к себе внимание исследователей. Многие относили былину к XI-XII вв. (П.А.Бессонов, А.Н.Афанасьев, П.В.Владимиров, А.С.Якуб и др.). П.В.Владимиров считал, что имя «Сухан» общеславянское и происходит от названия реки Стугна, которая упоминается и в «Слове о полку Игореве» и с которой, как и Сухан, разговаривает князь Игорь. Кроме того, сюжет ловли «своима рукама» (правильное употребление древней формы двойственного числа – 3.А.), где Сухан обещает привести некровавленную лебедь, зафиксирован и в «Поучении Владимира Мономаха», где

князь руками ловил диких лошадей (см. подробнее: 5, 228-230). Другие же считали былину произведением более позднего времени. Так, Орест Миллер в некоторых деталях былины усматривал следы времен Ивана Грозного, а саму былину сравнивал с былиной этого времени о Данииле Ловчанине (образ князя Владимира в отношении к своим богатырям) (см.: 13, 618-623). Сегодня большинство исследователей, в т.ч. и автор данной статьи, **придерживаются того мнения, что сюжет былины восходит к более древнему времени (примерно к XII в.), и она могла появиться в устной (в виде народного сказания или песни), а в конце XV – начале XVI в. - в письменной форме.**

Наше внимание привлек один эпизод: богатырь Сухан вырывает старый дуб с корнем и отправляется на борьбу с татарами, истребляя их этим деревом: *И поехал Сухан ко дуброве зеленой, и наехал сыр-зелен падубок, да вырвал ево и с корнем, да едет с ним не очищаючи. Свищет падубок в руке богатырской, ломаются древа копе-копейные, щепляются щиты татарские, валяются шоломы их з головами тарскими. И Сухан бьет татар падубком на все четыре стороны* (12, 136-137).

Откуда мог появиться сюжет вырывания дуба, если испокон веков дуб почитался у славянских народов в качестве священного дерева?

Факт почитания дуба у славян подтверждается не только языковым материалом, но и археологическими находками дубов языческой эпохи, носящих явные черты культового характера. К.В.Болсуновский отмечал, что недалеко от устья

* Данная работа выполнена при финансовой поддержке Фонда Развития Науки при Президенте Азербайджанской Республики – Грант № EIF-2011-1(3)-82/81/5.

Десны между Остром и Черниговом есть дуб, в стволе которого вырезаны четыре кабаньи челюсти, и который был объектом поклонения у славян-язычников (3, 11). В 1975 г. в Приднестровье был найден дуб, датированный 750 годом, с девятью кабаньими челюстями и следами огня (8, 18). Использование огня из дубового дерева и отождествление его с высшим богом славян Перуном также говорит о том, **что дуб в древней лингвокультурной общности славян считался священным**. Археологические раскопки капища князя Владимира 980 г. в Киеве также свидетельствуют об особой связи дуба с богом Перуном: предметы, символизирующие бога Перуна, были сделаны исключительно из дубового дерева (см.: 4, 37-38). Не случайно и **сегодня славянские народы называют дуб «перуновым деревом»**. М.Л.Серяков отмечает, что «на острове Хортица русы молились Перуну как богу войны и моря, а вокруг посвященного ему дуба втыкали стрелы, являвшиеся атрибутом громовержца, молнии которого воспринимались именно как огненные стрелы. Новгородское святилище в Перыни с неугасимым огнем из дубового леса было посвящено одному этому богу, да и в киевском капище, судя по характеру жертв и найденному топору, он (т.е. дуб – З.А.) явно занимал доминирующее место» (14, 399).

Особая связь дуба с богом-громовержцем Перуном подтверждается и языковыми фактами. Так, в грамоте галицко-волынского князя Льва Даниловича от 3 октября 1302 г., в которой он жалует Перемышльскому епископству село Рушичи, отмечается: «А отъ той горы до Перунова Дуба горе Скломъ. А отъ Перунова Дуба до Белыхъ береговъ» (7, 19). Как видим, границы «своего дарения» князь измеряет от дуба и называет его Перуновым. В шаманских учениях в качестве дерева, *указывавшего на границу другого уровня бытия*, отмечался именно дуб. Кстати, в сербском языке связь дуба с богом-громовержцем прямо явствует из самого названия: дуб называется *грм*, *грмов*, а дубовый лес – *грмик*.

Наконец, **в Древней Руси срубать дуб категорически запрещалось**. По наблюдению А.Н.Афанасьева, в сербско-болгарском апокрифе XV в. прямо указан данный запрет: «дуб железны, еже есть първосаждень, отъ въсего же его корение на силе божьей стоить» (2, 163). Данный запрет подтверждают также древнерусские юридические памятники. В Краткой редакции Русской Правды по Академическому списку середины XV в., представ-

Иллюстрация к героическому эпосу «Китаби Дедем Горгуд»: Гараджа вырывает с корнем дерево. Художник И.Мамедов

ляющей основу средневекового русского феодального права, читаем: «А иже между переореть любо перетес, то за обиду 12 гривне» (ст.34). В Пространной редакции Правды по Троицкому списку второй половины XIV в. находим аналогичные статьи: «Аже **дуб подотнетъ** знаменьныи или межъныи, то 12 гривен продаже» (ст.73); «Аже бортъ **дубъ подътнетъ**, то 3 гривны продаже, а за дерево полгривны» (ст.75) и др. В статьях отмечается, что деревья в лесу с пчелиными бортями или, скорее всего, участки леса с такими деревьями служили знаками обозначения княжеской собственности. У древних славян среди деревьев коннотативно были функциональны, кроме дуба, береза и осина, но **только дубы в Древней Руси служили естественными ориентирами при установлении межи: на них наносились знаки собственности**. Границы участков леса с бортными деревьями обозначались вырезанными на коре деревьев знаками. В качестве «бортных деревьев» со знаками на коре **использовали именно дуб**. Древнерусские грамоты, определяя по этому священному

Отрывок из древнерусской летописи XII в.

дереву границы родовых владений, также называли его Перуновым. **С принятием христианства древние верования славян стали искореняться, но почитание дуба сохранилось.** Так, «хотя Киев и был одним из наиболее христианизированных центров Руси, Житие святого Яцека отмечает, что киевляне тайно собирались на ближайшем к городу острове, где оказывали особое почтение находившимся там старым дубам» (14, 399). Н.М.Гальковский свидетельствует, что еще в петровскую эпоху Феофан Прокопович в «Регламенте духовном» особо категорично запрещал «*пред дубом молебны петь*» (6, 54-55). По М.Л.Серякову, в языческом варианте «Голубиной книги» именно дуб был «*всем древам матери*» (14, 400).

Хотя христианство в значительной степени смогло преодолеть древние культовые обряды, но **почитание дуба как мирового дерева, символизирующего земную ось, до сих пор наличествует в мировоззрении и культуре почти всех славянских народов** (11, 280-283). По А.Н.Афанасьеву, «сохранившиеся также в Литве предания и прусские хроники уверяют, что заповедные дубы Перкуна (= Перуна – А.З.), под сенью которых ставились и его кумиры, были постоянно зелены – и летом, и зимою; особенным почетом пользовались у литовцев старые, вековые дубы: их окружали оградами, и **в эпоху обращения в христианство народ скорее соглашался на истребление идолов, чем на посещение этих деревьев...**» (2, 310).

Православная Русь наверняка была знакома с учениями «отцов церкви», в том числе и с Ветхим заветом, где среди священных деревьев упоминаются дуб и терпентинные деревья (15, 380-398). По

наблюдениям Дж.Дж.Фрезера, **почитание дубов как священных деревьев и сегодня популярно в Палестине, Ливане, Иордании, Израиле** и в других странах. Исследователь отмечает факт **почитания дуба как священного дерева у древних римлян и византийцев**: «Когда Константин решил построить церковь у священного дерева, он изложил свое намерение в письме к Евсевию, епископу Цезареи, который, к счастью, сохранил копию этого письма в оставленном им жизнеописании императора. Следует обратить внимание на то, что в этом письме император называет священное дерево дубом, а не терпентином, и так же его называют в истории церкви Сократ и Созомен. Но их свидетельство не имеет большого веса ввиду того, что они все трое, вероятно, следовали тексту Септуагинты (название греческого перевода Ветхого завета – 3.А.), где дерево зовется дубом, а не терпентином» (15, 394-395). Даже факт написания былины в XVI-XVII вв. не противоречит тому, что дуб всегда почитался у русских как священное дерево. А.Н.Афанасьев утверждает, что «...в Пронском уезде еще в конце прошлого столетия (XVII в. – А.З.) существовал толстый дуб с проемною скважиною, пользовавшийся большим уважением в народе; сквозь его скважину протаскивали раза по три детей, больных грыжею, и вслед за тем обвязывали дерево поясом или кушаком... В Тульской губернии же поселяне старались отыскивать в лесных засеках старые дубы, при которых вытекали бы ключи; сдирают с их веток кору. Вымачивают ее в роднике и потом носят в ладанках – в предохранение от зубной боли...» (2, 311).

И в инокультурном пространстве мифологема «дуб» также ассоциировалась с деревом богов (1, 8-14). По исследованию И.И.Киреевой, **в кельтской культуре дуб как седьмое дерево отождествлялся с деревом Зевса, Юпитера, Геракла, Дагды, Тора и других божеств грома.** «Лицо Дуира, бога месяца дуба, обращено в две стороны потому, что он находится на поворотном пункте года, а это уравнивает его с богом-дубом Гераклом, который после смерти стал привратником богов... Слово «duir» (название дуба в огаме), во многих европейских языках означает «дверь»: древнекельтское «dorus», лат. «forus», греч. «thura», нем. «Tur» произошли от санскритского «dwar», да и еврейская буква «Daleth» также означает «дверь» (на месте буквы «l» в этом слове когда-то была буква «r»)» (9, 141). У древних друидов дубовые рощи счита-

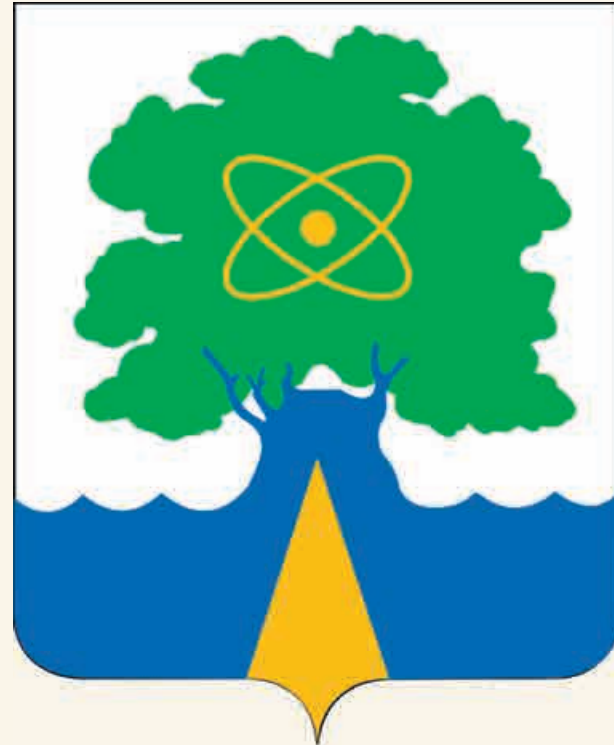
лись священными, что видно из этимологии самого слова «друиды», буквально - «люди дубов».

Как видим, и православная Русь знала о почитании дуба как священного дерева. Стало быть, **срубание дуба противоречило как религиозным канонам, так и древним языческим обрядам.** Как мог появиться сюжет вырывания дуба в исследуемой былине? Почему чуждое русским обычаям вырывание дуба вошло в письменную культуру Древней Руси?

Мы считаем, что **сюжет вырывания дуба мог быть заимствован из тюркской устной народной традиции.** Так, в древнетюркском эпосе «Kitabi dedem Korkut ala lisani taifei oğuzan» (на перс. яз. - «Книга моего деда Коркуда на языке племени огузов»; дошел до нас в списке XVI в.), который изображает прежде всего быт кочевых огузов, живших в Азербайджане в X-XI вв., есть подобный сюжет о пастухе Гараджа (Черном пастухе).

Краткий сюжет сказания таков (перевод дается по В.В.Бартольд: 10). Воспользовавшись отсутствием хана Салур Газана, иноземцы напали на его владения, разорили его дом, пленили его жену, сына Уруза и других. Они хотели захватить из загона десять тысяч ханских овец. Шестьсот всадников нападают на пастуха Гараджа, но он в одиночку обороняет хозяйское стадо. Когда Салур Газан отправляется спасти свой род, по пути встречает Гараджу и узнает от него о происшедшем. При этом пастух-богатырь просит у хана ратное оружие и «каурога коня», чтоб вместе с ним спасать ханский род. Хан отказывается от помощи человека низкого звания, и когда пастух все же идет вслед за ним, Газан хан привязывает его к большому, крепкому дереву, чтоб не опозориться перед другими беками тем, что его род пришел спасти пастух. Но Гараджа невероятным усилием вырывает кряжистое дерево с корнем, взваливает его на спину и пускается в путь, догоняет Казана и помогает ему в сражении. В бою враги, не справляясь с могучим пастухом, стреляют зажженными стрелами, и привязанное к его спине дерево загорается, но горящее дерево еще более помогает Гарадже против врагов.

Аналогичный сюжет являет собой и «Повесть о Сухане». Главный герой, богатырь Сухан, который узнал во время охоты о нашествии «бусурман», вырвал с корнем дуб и этим дубом перебил всех «татар». Смертельно раненный богатырь добирается до Киева и получает «жалованное слово ... государя». «Повесть» завершается плачем матери Сухана

Герб города Дубна (Московская область) с изображением дубового дерева, утвержденный в 2003 г.

о своем сыне, который погиб «на службе государственной». Кстати, в эпосе о Коркуте, как и в повести о Сухане, Салур Газан также дает Гарадже «жалованное слово ... государя» и сдерживает его: «Если Аллах спасет мой дом, то я сделаю тебя главным конюхом».

Отметим также, что основываясь на этом сюжете и некоторых других деталях, **чешские и польские исследователи категорически выступают против точки зрения об оригинальности былины.** Известный чешский исследователь славянских эпосов И.Махаль считал, что былина не оригинальна, а поднята на пьедестал представителями русской мифологической и исторической школ. Польский исследователь Ю.Кржижановский также не признает былину оригинальной, но в вопросе о ее источниках занимает очень осторожную позицию (12, 208-209). Мы не склонны думать, что данная былина не оригинальна, однако, как показало наше исследование, есть все основания предполагать, что **сюжет вырывания дуба с корнем имеет явно инокультурное происхождение, ибо чужд русской эпической традиции.** В данном сюжете, пусть и в рамках так называемого «бродячего сюжета», мы видим влияние тюркских устных народных сказаний, где данный сюжет и сегодня распространен

Сюжет борьбы древнерусского воина с дивом, вырвавшим святой дуб

весьма широко.

Учитывая, что «Повесть о Сухане» записана в то время, когда происходили постоянные вооруженные столкновения древнерусских князей с Крымом, то налицо благоприятные условия для распространения древнетюркского сюжета вырывания дерева в древнерусской литературе. Разумеется, мы не отрицаем факта диалога литератур, но данное сходство сюжетов в письменной культуре двух народов, учитывая святость и неприкосновенность дуба в культурной традиции мира Древней Руси, наводит на вывод именно об усвоении данного сюжета в результате непосредственного народного творчества, развившегося в условиях политических, экономических и культурно-бытовых контактов двух лингвокультурных общностей.

Если учесть, что в основу «Повести о Сухане» положен древнейший – алтайский вариант былины о Сухане (12), то вопрос влияния традиций древнейших тюркских эпических сказаний, в т.ч. числе и вероятность влияния эпического сказания «Книги моего деда Горгуда» встает с наибольшей актуальностью. Характерно, что сюжет вырывания дерева не встречается ни в одном другом древнерусском

Плита, установленная в 1967 г. в честь святого мюленбергского дуба (Мюленберг, штат Кентукки)

произведении. Да и в этой повести данный сюжет мы видим только в его алтайской версии. С другой стороны, в тюркской лингвокультуре он традиционен. Н.С.Чистобаева, основываясь на обширном хакасском языковом материале, на сюжетах и мотивах богатырских сказаний тюрко-монгольских народов, проследила особенности проявления разных сюжетов в ранних формах эпоса и констатировала, что эта тема занимает одно из важнейших мест в «системе эпического героизма» богатыря. «В сказаниях могут присутствовать сразу несколько мотивов, могут быть и дополнительные, но, несмотря на это, композиционная структура сохраняется благодаря «общим местам» эпоса... Виды устраиваемых состязаний в хакасских сказаниях традиционны: **вырывание дерева с корнем** (выделено нами – З.А.), натягивание лука и стрельба из него, конские скачки, борьба» (16, 10).

В заключение заметим, что на процесс становления и развития культуры действуют самые различные факторы, но, как правило, современные их признаки всегда покоятся на прошедших. В силу этого национальная специфика языка всегда по сути своей ретроспективна: поиск образца всегда обращен в проверенное прошлое, а живые инновации кажутся отходом от культуры, забвением национально-исторического опыта. При этом традиция как основа культуры является не только продолжением, но и творческим отрицанием многих исторических крупниц опыта, накопленного поколениями и существующего в народной памяти. Однако собственно национальная окраска живет как раз этими крупницами опыта, достигая максимального выражения в специфически-национальном, где этот опыт иногда оказывается замкнутым. Язык, будучи наряду с формами быта, народной поэзией и памятниками письменности наиболее устойчивой частью национальной культуры, бережно хранит как специфически-национальное содержание и специфически-языковую форму выражения, так и инокультурные элементы. ❀

The article analyzes the plot of tearing off the oak-tree in an ancient Russian epic "Story about Sukhan" and the ancient Turkic epic The Book of Dada Gorgud". The author comes to the plot of tearing off an oak-tree was always alien to ancient Russian written and oral culture, while in ancient Turkic literature it was traditional. Hence, the given plot could have appeared under the influence of ancient Turkic oral legends.

Литература:

1. Асадов З.В. Еще раз о мифологеме «дуб» (лингвокультурологический аспект) // Elm və səmiyyə. Bakı: Kitab Aləmi, 2007, № 2, s. 8-14.
2. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси. М.: Эксмо, 2005.
3. Болсуновский К.В. Перунов дуб. Киев, 1914.
4. Боровский Я.Е. Язычество древнего Киева // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. М., 1983, с.36-39.
5. Владимиров П.В. Введение в историю русской словесности из лекций и исследований. Киев, 1896.
6. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т.1. Харьков, 1916.
7. Грамоты XIV в. Киев, 1974.
8. Ивакин Ю.Г. Священный дуб языческих славян // Советская этнография, 1979, № 2, с.31-47.
9. Киреева И.И. Лингвокультурный код «флора» как мистическая основа кельтской культуры // Актуальные проблемы философии и филологии. Сб. науч. ст. Самара: СФ МГПУ, 2006, с. 135-144.
10. Книга моего деда Коркута (перевод В.В.Бартольда). М-Л.: АН СССР, 1962.
11. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М.: Республика, 1992.
12. Малышев В.И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. М.-Л.: АН СССР, 1956.
13. Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869.
14. Серяков М.Л. «Голубиная книга». Священное сказание русского народа. М.: Алетея, 2001
15. Фрезер Дж.Дж. Фольклор в Ветхом завете. М.: Политлит, 1990.
16. Чистобаева Н.С. Героический эпос хакасов: тематика и поэтика. Автореферат дисс... кандидата филолог. наук. Улан-Удэ, 2007.

